

Язык. Константы. Переменные

Памяти Александра Евгеньевича Кибрика

УДК 811+81'44
ББК 81
Я 410

Редакционная коллегия:

*М. А. Даниэль, Е. А. Лютикова,
В. А. Плунгян (гл. ред.),
С. Г. Татевосов, О. В. Федорова*

Я410 Язык. Константы. Переменные. Памяти Александра Евгеньевича Кибрика. – СПб.: Алетейя, 2014. – 680 с.

ISBN 978-5-90670-514-3

Настоящая книга представляет собой сборник научных статей, посвященных памяти замечательного российского ученого и организатора науки, крупнейшего полевого лингвиста и оригинального теоретика, члена-корреспондента РАН Александра Евгеньевича Кибрика (1939–2012). Представленные в книге статьи затрагивают актуальные вопросы теории языка и методологии лингвистических исследований, лингвистической типологии, описания русского языка и других языков мира (особенно языков Дагестана). Ряд статей содержит мемуарные фрагменты. Для широкого круга лингвистов.

УДК 811+81'44

ББК 81

В оформлении обложки использована картина матери А. Е. Кибрика художницы Лидии Тимошенко «Портрет сына» (1962)

ISBN 978-5-90670-514-3

9 785906 705143

© Коллектив авторов, 2014
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2014

ПАДЕЖНОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ОБЪЕКТА В ИЖОРСКОМ ЯЗЫКЕ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СИНТАКСИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ¹

1. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Одна из наиболее ярких особенностей прибалтийско-финских языков состоит в принципах падежного оформления объекта. В индоевропейских языках, на основе которых формировалась западная лингвистическая традиция, существует специальный падеж объекта (аккузатив). Привлечение материала языков других семей, активно происходившее в течение XX в., показало, что во многих языках такого падежа не существует. В результате возникла необходимость доработки понятийного аппарата и пересмотра таких синтаксических понятий как субъект и объект (см. Кибрик 1992: 181–183). Важным достижением на этом пути стало исчисление базовых конструкций предложения, предложенное Э. Сепиром в Sapir 1917 и развитое Ч. Филлмором в Fillmore 1968 и А. Е. Кибриком (см, например, Кибрик 1992), суть которого состояла в выделении нескольких стратегий падежного оформления актантов: аккумулятивной, эргативной, активной, контрастивной и нейтральной. Противопоставление этих стратегий основывалось на различном падежном оформлении актантов, зависящем от их семантической роли и типа предиката.

Сепир разрабатывал свою классификацию на очень ограниченном материале, а именно, на местоименных системах индейских языков, см. Sapir 1917: 86. Последующее же ее расширение (как за счет привлечения языков других семей, так и за счет выхода за пределы местоименных систем), поднимает проблему области применения классификации или, говоря другими словами, требует от типолога ответа на вопрос: «Какие языки² могут классифицироваться указанным образом, а какие не могут?»³

Очевидно, что данная классификация не может быть применена к языкам, в которых отсутствует падежная система (либо же все они волевым решением должны быть отнесены к нейтральному типу⁴). Однако для языков, в которых есть падежи, ответ на поставленный вопрос нетривиален. Очевидно, что в основу рассматриваемой клас-

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проекты 12–04–00168а и 11–04–00153а.

² Следует подчеркнуть, что описываемая классификация неприменима к отдельному предложению, поскольку для определения стратегии требуется сопоставление кодирования актантов в конструкциях с различными типами предикатов. Таким образом, она является именно классификацией языков, что, впрочем, не исключает возможности существования в языке не одной, а нескольких из перечисленных стратегий.

³ Заметим, что хотя Ч. Филлмор и А. Е. Кибрик не ограничивались рассмотрением исключительно местоименных систем индейских языков, вопрос об области применения классификации эксплицитно не обсуждался.

⁴ В Кибрик 1992: 190 такого решения не принимается (и постулируется существование только одного языка с доминирующей нейтральной стратегией). Другой подход представлен в Comrie 1989: 125, где отмечается, что нейтральная стратегия широко распространена в языках мира.

сификации положена презумпция о том, что в языках существуют падежи, основной функцией которых является кодирование взаимоотношений актанта и предиката. При наличии таких падежей можно ожидать (пусть даже с некоторыми оговорками), что совокупность предложений, относящихся к одной из базовых конструкций (определяемой типом предиката: одноместным агентивным, одноместным пациенсным или двухместным), будет демонстрировать одинаковое оформление каждого актанта.

Вероятно, несложно обобщить рассматриваемую классификацию на языки, в которых падежное оформление актантов определяется не только типом предиката, но и его морфологическими характеристиками (например, видовременной формой глагола, как в грузинском языке, см. Hewitt 1995: 527).

Однако существуют языки, в которых падежное оформление актантов не определяется одной только глагольной словоформой. Рассмотрим следующие несколько предложений из ижорского языка⁵.

- (1) meidä jǎ ve-i
1 PL.PART лед[NOM] вести-IMPF.3SG
'Нас лед унес'.
- (2) varaž ve-i miun heřpoiže-n
вор[NOM] вести-IMPF.3SG 1 SG.GEN лошадь-GEN
'Вор увел мою лошадь'.
- (3) emä ve-i lapše-d obi-št poiž
мать[NOM] вести-IMPF.3SG ребенок-PL.NOM школа-ELAT прочь
'Мать увела детей из школы'.
- (4) miä ve-i heijed kottī
1 SG[NOM] вести-IMPF.3SG 1 PL.ACC дом.ILL
'Я увел их домой'.

Как несложно заметить, во всех предложениях один и тот же глагол находится в одной и той же форме, а объект выступает в роли Пациенса. Одинаково и падежное оформление субъекта (номинатив), однако падеж объекта во всех случаях различен: в примере (1) — это партитив, в (2) — генитив, в (3) — номинатив, а в (4) — аккузатив.

Решение, какое из этих предложений считать примером базовой конструкции, существенно скажется на результатах классификации. Например, при выборе предложения (3) падеж объекта при двухместном глаголе (номинатив) совпадает с падежом субъекта при одноместном глаголе. В другом же случае такого совпадения не будет.

В данной статье ставятся две задачи:

— продемонстрировать самые базовые принципы падежного оформления актантов в ижорском языке;

— ответить на вопрос: «Можно ли применить классификацию Сепира-Филлмора-Кибрика к ижорскому языку (и, соответственно, к прибалтийско-финским языкам в целом)?»

Первой из этих задач посвящен раздел 3, а второй — раздел 4 данной работы.

⁵ Ижорский язык относится к северной ветви прибалтийско-финских языков. В настоящее время осталось около 100 носителей ижорского языка. По классификации Lewis, Simons 2010 ижорский язык относится к классу 8b «почти вымерший» (nearly extinct), см. Ethnologue 2013.

Причина, по которой в данной статье анализируется именно ижорский язык, следующая: синтаксис ижорского языка никогда ранее не описывался⁶, и, тем самым, для ижорского языка отсутствует традиция синтаксического описания, нередко затрудняющая непредвзятый анализ материала (так, например, в традиции описания родственного ижорскому финского языка принято выделять аккумулятив, который в действительности является лишь объединением форм номинатива и генитива существительных, выступающих в позиции объекта, с собственно аккумулятивными местоименными формами⁷).

2. ДАННЫЕ И МЕТОДЫ

Приводимые данные относятся к сойкинскому диалекту ижорского языка⁸. Сбор материала проводился в процессе полевой работы авторов в 2006–2013 годах. В качестве материала использовались анкеты, переведенные носителями языка с русского на ижорский язык, а также записанные тексты. Все носители ижорского языка являются билингвами (в повседневной жизни русский язык используется в качестве основного), а их средний возраст приближается к 85 годам.⁹

3. БАЗОВЫЕ ПРИНЦИПЫ ПАДЕЖНОГО ОФОРМЛЕНИЯ АКТАНТОВ В ИЖОРСКОМ ЯЗЫКЕ

Оформление падежного объекта в прибалтийско-финских языках традиционно описывают, основываясь на двух оппозициях: а) противопоставлении парциального и тотального объектов (парциальным называется объект, оформленный партитивом, а тотальным — объект, оформленный одним из тотальных падежей: номинативом, генитивом или аккумулятивом¹⁰) и б) противопоставлении тотальных падежей. Такой же подход будет использован и в данной работе.

---

⁶ В целом, описание грамматики ижорского языка сводится к а) диалектной грамматике Porkka 1885, представляющей материал XIX века и не соответствующей современным стандартам языкового описания; б) учебной грамматике Junus 1936, в) работам А. Лаанеста, являющимся наиболее полным источником информации по ижорскому языку, но выполненным в жанре диалектологических и исторических исследований фонетики и морфологии, см. Лаанест 1966, 1978; Laanest 1986. То есть на данный момент не существует полноценной синхронной грамматики ижорского языка.

⁷ См., например, Karlsson 1999: 91: «The accusative is not really a case form proper but a collective name for certain cases used for the object (nominative, genitive and -t accusative)». Тем не менее, традиция выделять в финском языке аккумулятив (пусть даже такой условный) может провоцировать исследователя к утверждениям, которые, с нашей точки зрения, являются, как минимум, дискуссионными. Ср., например, Kittilä 2006: 17: «Finnish and Malay are both typical nominative-accusative languages».

⁸ Из четырех известных диалектов ижорского языка — ореджского, хэваского, сойкинского и нижнелужского — в настоящее время существуют только два последних.

⁹ В силу этого факта к исследованию современного ижорского языка оказывается неприменимо следующее утверждение, несомненно верное в ситуации обычной полевой работы: «Опыт показывает, что информанты обычно быстро научаются абстрагированно мыслить лингвистическими объектами, и тогда их можно просить приводить примеры на заданное явление: значение слова, грамматическую форму, ситуацию и т. п.», см. Кибрик 1972: 88–89. Поэтому в данной работе мы не претендуем на глубокий анализ ижорского синтаксиса, ограничиваясь анализом наиболее прозрачных явлений.

¹⁰ Как будет показано в разделе 3.2, формы, традиционно называемые аккумулятивными, не являются таковыми в полном смысле этого слова.

3.1. Оппозиция тотального и парциального объектов

Перечислим наиболее прозрачные (то есть легко верифицируемые) факторы, регулирующие употребление тотального и парциального объектов.

1. Глагольная лексема

Глаголы, которые могут претендовать на статус переходных,¹¹ можно разделить на две основные группы.

а) Глаголы сильного (партитивного) управления. У этих глаголов объект всегда оформляется партитивом (тем самым, рассмотренные ниже сематические оппозиции, связанные с падежным оформлением объекта, для этих глаголов нерелевантны). К таким глаголам относятся, например, *šivvāmā* ‘любить’, *tahtomā* ‘хотеть’, *ōttelomā* ‘ждать’, *puromā* ‘кусать’, *kutsumā* ‘звать’, *etsimā* ‘искать’.

б) Глаголы слабого управления. У таких глаголов объект может оформляться одним из четырех указанных выше падежей. Именно этим глаголам будет посвящено дальнейшее изложение. Это такие глаголы как, например, *tegōmā* ‘делать’, *tappamā* ‘убивать’, *mūmā* ‘продавать’, *oštamā* ‘покупать’, *leikkāmā* ‘резать’, *andamā* ‘давать’, *ajamā* ‘гнать’, *vīmā* ‘вести’, *tōmā* ‘приводить’, *šahhāmā* ‘пилить’, *valamā* ‘поливать’.

2. Наличие отрицания

Этот фактор, по всей видимости, является наиболее формальным. Если в предикации содержится отрицание, то объект всегда оформляется партитивом (5б, 6б).

(5) а. *hā ošt-i lamppāha-n*
3SG[NOM] покупать-IMPF.3SG овца-GEN
‘Он купил овцу’

б. *hā e-i oštā-nd lammaš-t*
3SG[NOM] NEG-3SG покупать-PRCTACT овца-PART
‘Он не купил/покупал овцу’

(6) а. *miä krāška-iži-n tāmā-n aiija-n*
1SG[NOM] красить-IMPF-1SG ЭТОТ-GEN забор-GEN
‘Я покрасил этот забор’

б. *miä e-n krāža-nd tādä aiittä*
1SG[NOM] NEG-1SG красить-PRCTACT ЭТОТ.PART забор.PART
‘Я не покрасил/красил этот забор’

Обратим внимание, что в конструкциях с модальными глаголами, отрицание модального глагола также ведет к появлению парциального объекта:

(7) а. *hā tahto-i teh-ä ūve-n koi-n*
3SG[NOM] хотеть-IMPF.3SG делать-INF НОВЫЙ-GEN ДОМ-GEN
‘Он хотел построить новый дом’

б. *hā e-i tahtō-nd teh-ä ūtta koittia*
3SG[NOM] NEG-3SG хотеть-PRCTACT делать-INF НОВЫЙ.PART ДОМ.PART
‘Он не хотел построить/строить новый дом’

¹¹ Это неодноместные глаголы, у которых объектная валентность заполнена именной группой, оформленной одним из четырех указанных выше синтаксических падежей.

При этом в отрицательных предложениях с бытийным глаголом¹² партитив появляется в конструкциях с посессивным (8б) и локативным значением (9б), но не в конструкциях со значением эквиваленции (10б).

- (8) а. miu-l on šiar
1SG-ADESS быть.PRS.3SG сестра[NOM]
‘У меня есть сестра’
- б. miu-l e-i ō šiar-t
1SG-ADESS NEG-3SG быть сестра-PART
‘У меня нет сестры’
- (9) а. šūkki on kanne-l
еда[NOM] быть.PRS.3SG стол-ADESS
‘Еда на столе’
- б. šūkki-ä e-i ō kanne-l
еда-PART NEG-3SG быть стол-ADESS
‘На столе нет еды’
- (10) а. miä ō-n rjbakka
1SG[NOM] быть.PRS-1SG рыбак[NOM]
‘Я рыбак’
- б. miä e-n ō rjbakka
1SG[NOM] NEG-1SG быть рыбак[NOM]
‘Я не рыбак’

3. Видовременные характеристики

В ижорской глагольной системе не представлена грамматическая категория вида, а основных¹³ времени два: прошедшее (традиционно называемое имперфектом) и настоящее-будущее (презенс).

Выражение семантических оппозиций «завершенное vs незавершенное действие» и «настоящее vs будущее время» осуществляется в первую очередь при помощи противопоставления парциального и тотального объекта.

Рассмотрим следующие четыре примера, различие между которыми проявляется во временной форме глагола (имперфект в (11а) и (11б); презенс в (11в) и (11г)) и в падеже объекта (тотальный в (11а) и (11в); парциальный в (11б) и (11г)).

- (11) а. hã teg-i koi-n
3SG[NOM] делать-IMPF.3SG дом-GEN
‘Он построил дом’
- б. hã teg-i kotti-a
3SG[NOM] делать-IMPF.3SG дом-PART
‘Он строил дом’

¹² На вопросе о том, когда именная группа при бытийном глаголе является объектом, когда — субъектом, а когда — частью составного именного сказуемого, мы останавливаться не будем.

¹³ Называя эти времена «основными», мы имеем в виду, что а) эти времена очень частотные, в то время как другие временные формы (перфект и плюсквамперфект) в речи современных носителей ижорского языка встречаются крайне редко, и б) контекстов, которые однозначно требуют употребления формы перфекта или плюсквамперфекта, фактически не существует, поэтому большинство носителей языка вообще не использует эти времена в своей речи.

- (11) в. hã   tek̄k̄õ   koi-n
 3SG[NOM]   делать.PRS.3SG   дом-GEN
 ‘Он построит дом’
- г. hã   tek̄k̄õ   kotti-a
 3SG[NOM]   делать.PRS.3SG   дом-PART
 ‘Он строит дом’

Отличие примера (11а) от (11б) на семантическом уровне состоит в завершенности действия, а на формальном уровне — в падежном оформлении объекта. Пара (11в) и (11г) сохраняет указанную видовую оппозицию, но также демонстрирует и различие временных характеристик: незавершенное действие в (11г) относится к настоящему времени, а завершенное действие в (11в) — к будущему¹⁴.

4. Исчисляемость объекта

С точки зрения падежного оформления объекта противопоставляются существительные исчисляемые (дом, человек, корова) и неисчисляемые (вода, рожь, мука).

Существительные обеих групп могут оформляться парциальным или тотальным падежом. Но при этом появление тотального падежа у неисчисляемых существительных возможно только в случае, когда имеется в виду четко ограниченный объем вещества высокого референтного статуса¹⁵. То есть русским предложениям *Выпей/пей/попей воду/воды!* в ижорском будет соответствовать *jũ vet̄tä* с объектом, оформленным партитивом. Предложение же с объектом, оформленным номинативом, *jũ veži* ‘Выпей воду[NOM]!’ допустимо только, если имеется в виду некоторое четко определенное количество конкретной воды (например, вода в этом стакане), причем часто существительное будет сопровождаться указательным местоимением: *jũ tãmä veži* ‘Выпей эту[NOM] воду[NOM]!’. Для исчисляемых же существительных использование тотального падежа возможно и без высокого референтного статуса, например, в предложении *mĩ miule kana* ‘Продай мне курицу[NOM]!’ не обязательно должна иметься в виду какая-то конкретная курица.

5. Местоименный объект

В случае, когда объект выражен личным местоимением, наблюдается очевидная тенденция к избеганию тотальных падежей.

Так, например, русский стимул *Сосед увел корову из стада* будет однозначно переведен на ижорский с использованием тотального падежа (генитива).

¹⁴ Для полноты описываемой картины отметим, что ижорский язык позволяет выразить незавершенное действие в будущем. Для этого используется аналитическая конструкция с глаголом *noizemã* ‘стать’ и супином смыслового глагола: *miã noizemã tegõtmã koitia* ‘Я буду строить дом.PART’. Объект в такой конструкции, очевидным образом, оформляется партитивом. Также обратим внимание, что использование оппозиции «тотальный vs парциальный объект» позволяет выражать описываемую видовременную семантику только в конструкциях с двухместными и трехместными глаголами слабого управления, в конструкциях же с остальными глаголами рассматриваемое противопоставление на грамматическом уровне не выражается. При необходимости временная конкретизация осуществляется лексическими средствами: ср. *miã tiem šiule* ‘Я иду ~ приду к тебе’, *miã jo tiem šiule* ‘Я уже иду к тебе’, *õnem miã tiem šiule* ‘Завтра я приду к тебе’.

¹⁵ См., например, Nuomo 2010: 85 про финский язык: «With mass nouns and plurals, the opposition between open and closed quantities also correlates with definiteness: definite mass nouns and plural forms generally indicate closed quantities, while indefinite ones indicate open quantities».

- (12) nāpuri ve-i oma-n lehmä-n karja-št poiž
 сосед[NOM] вести-IMPF.3SG свой-GEN корова-GEN стадо-ELAT прочь
 ‘Сосед увел свою корову из стада’

Однако схожее предложение с личным местоимением будет переведено, скорее, с использованием партитивной формы:

- (13) pain ve-i miñnua poiž prāžniga-št
 жена[NOM] вести-IMPF.3SG 1SG.PART прочь праздник-ELAT
 ‘Жена увела меня с праздника’

Использование здесь тотального падежа, в принципе, возможно, но является менее естественным вариантом.

- (14) pain ve-i miu-n poiž prāžniga-št
 жена[NOM] вести-IMPF.3SG 1SG-GEN прочь праздник-ELAT
 ‘Жена увела меня с праздника’

В контекстах, где у существительных в качестве тотального падежа используется номинатив (см. раздел 3.2), личные местоимения единственного числа принимают форму партитива (15а). Примеры с номинативом практически всегда признаются недопустимыми (15б)¹⁶. Личные местоимения множественного числа имеют специальную аккузативную форму (см. раздел 3.2), однако не существует контекстов, где бы она была обязательной. Так русское предложение *Скоро вас отведут в школу* может быть переведено на ижорский с использованием аккузатива (15в) или партитива (15г). При этом некоторые носители языка отдают явное предпочтение партитиву и практически никогда не используют аккузативные формы.

- (15) а. ku miñnua aje-ttī poiž miä män-i-n
 когда 1SG.PART гнать-IMPRS.IMPФ прочь 1SG идти-IMPF-1SG
 oma-le veljä-le
 свой-ALL брат-ALL
 ‘Когда меня прогнали, я пошел к своему брату’
- б. *ku miä aje-ttī poiž miä män-i-n
 когда 1SG[NOM] гнать-IMPRS.IMPФ прочь 1SG идти-IMPF-1SG
 oma-le veljä-le
 свой-ALL брат-ALL
 ‘Когда меня прогнали, я пошел к своему брату’
- в. kīre teijed vījā oppī
 скоро 2PL.ACC вести.IMPRS.PRS школа.ILL
 ‘Скоро вас отведут в школу’
- г. kīre teidä vījā oppī
 скоро 2PL.PART вести.IMPRS.PRS школа.ILL
 ‘Скоро вас отведут в школу’

¹⁶ В нашем материале встречались окказиональные примеры с номинативом личного местоимения, но вопрос о том, насколько они грамматически правильные, остается открытым. Например, **miun piitā ajjā hā poiž* ‘Мне нужно прогнать его[NOM]’.

Описанные факторы, регулирующие употребление парциального и тотального объектов, соответствуют тому, что обычно отмечается в описаниях прибалтийско-финских языков¹⁷. Однако очевидно, что система падежного оформления устроена значительно сложнее. В данной работе мы не будем проводить анализ этой системы и лишь приведем несколько примеров, которые демонстрируют возможные девиации, выходящие за пределы регулируемых базовыми факторами.

Во-первых, сами базовые факторы оказываются не абсолютными.

а) Деление глагольных лексем на основе их управления не универсально. Существуют глаголы, которые нельзя однозначно отнести к одному из двух названных выше классов. У таких глаголов доминирует партитивное оформление объекта, то есть в большинстве случаев объект оформляется партитивом даже в тех конструкциях, где у глаголов слабого управления наблюдается тотальный падеж. Однако в отличие от глаголов сильного управления, которые обязательно требуют парциальный объект, глаголы рассматриваемого типа допускают появление тотального падежа. К таким глаголам относится, например, *nägömä* 'видеть'. Ср. предложения (16а) и (16б), которые являются переводом одного и того же русского стимула, но демонстрируют различное падежное оформление объекта: в (16а) представлен парциальный объект, а в (16б) — тотальный.

- (16) а. pu-i-n läbi miä nä-i-n mer-dä
 дерево-PL-GEN через 1SG[NOM] видеть-IMPF-1SG море-PART
 'Сквозь деревья я увидел море'
- б. pu-i-n läbi miä nä-i-n mere-n
 дерево-PL-GEN через 1SG[NOM] видеть-IMPF-1SG море-GEN
 'Сквозь деревья я увидел море'

Подчеркнем, тотальный падеж в (16б) не является случаем окказионального употребления, возникшим из-за «сбоя» при переводе. В имеющемся у нас корпусе переводных предложений конструкция «X увидел Y» (где Y выражен исчисляемым существительным) встретилась 39 раз (у 19 носителей языка). При этом 25 предложений были переведены с оформлением объекта партитивом, в 11 случаях был использован генитив, а в 3 случаях носители языка предлагали варьирующие переводы с обоими падежами¹⁸.

б) В нашем материале встречались примеры, когда в предложениях с отрицанием обнаруживался тотальный объект. Все эти случаи (естественно, исключая обычные оговорки) наблюдались в имперсональных конструкциях, и, соответственно, тотальным падежом оказывался номинатив.

¹⁷ «In Estonian and Finnish the partitive is used for the patient if it represents part of a whole or an indefinite quantity, or if the action is incomplete, or if the polarity of the clause is negative», см. Blake 2004: 151. Схожая интерпретация (но с указанием на некоторые особые свойства местоимений) приводится в Erelt 2003: 96–97.

Заметим, что несмотря на общность базовых принципов оформления объекта, каждый конкретный язык имеет свою специфику (см., например, Rüütmaa 1989).

¹⁸ Различные девиации наблюдаются не только в ижорском языке. Например, в Nuutto 2010: 101–102 рассматриваются финские квазирезультативные (quasi-resultative) глаголы, которые допускают появление тотального объекта в предложениях с дуративными обстоятельствами. В число таких глаголов попадает, в частности, глагол *nähdä* 'видеть': *näe-n häne-t koko aja-n* 'Я ее.ACC все время вижу' (заметим, что в эстонском языке глагол *nägema* 'видеть' считается допускающим только партитивный объект, см. Erelt 2003: 96).

- (17) egle häne-le e-i podaroide-ttu üž podarka
 вчера 3SG-ALL NEG-3SG дарить-PRTPASS новый[NOM] подарок[NOM]
 ‘Ей вчера не подарили новый подарок’
- (18) jož tämä pū poiž e-i šaha-da
 если этот[NOM] дерево[NOM] прочь NEG-3SG пилить-IMPRS.PRS.CNG
 koi-ž ain līnõ pimmiä
 дом-INESS всегда быть.FUT.3SG темный[NOM]
 ‘Если это дерево не спилят, в доме всегда будет темно’

Эти исключения возникали лишь в отдельных идиолектах и возможно объясняются специфическими свойствами имперсональных конструкций: в них объект может приобретать некоторые свойства субъекта (так, например, для него достаточно типична препозиция по отношению к глаголу, хотя базовым порядком слов в ижорском языке является SVO)¹⁹.

в) Граница между исчисляемыми и неисчисляемыми существительными не является жесткой (ср. с финским Nuomo 2010: 85–86). Кроме этих двух классов можно выделить и другие классы существительных, характеризующиеся особым поведением с точки зрения падежного оформления объекта. В частности, это класс собирательных существительных, которые занимают промежуточное положение между исчисляемыми и неисчисляемыми, например, (*mā*)*muna* ‘картошка’, *marja* ‘ягода’. В зависимости от ситуации они могут рассматриваться как неисчисляемые существительные и, соответственно, оформляться партитивом единственного числа (19а), либо интерпретироваться как ограниченная совокупность объектов и оформляться тотальным падежом — номинативом множественного числа (19б). Их употребление в качестве тотального объекта единственного числа возможно, но такая конструкция, как правило, является семантически маркированной (выделяется некоторый элемент из совокупности) и относительно редкой (19в).

- (19) а. mū to-i-ma halkko-a
 1PL[NOM] приносить-IMPF-1PL полено-PART
 ‘Мы принесли дрова’
- б. mū to-i-ma halo-d
 1PL[NOM] приносить-IMPF-1PL полено-PL.NOM
 ‘Мы принесли дрова (несколько полешек)’
- в. hā to-i va ühe-n halo-n
 3SG[NOM] приносить-IMPF.3SG только один-GEN полено-GEN
 ‘Он принес только одно полено’

Во-вторых, обнаруживается, что кроме базовых существуют другие факторы, которые определяют выбор объекта, но, в отличие от базовых, плохо формализуются, не дают жестких запретов на неправильное оформление объекта и фактически конкурируют друг с другом. Существование таких факторов и их конкуренции легко доказу-

¹⁹ В целом, актант у имперсональной формы глагола является именно объектом, а не субъектом. Приведенные в Sands, Campbell 2001: 282–284 доказательства этого утверждения для финского языка применимы и к ижорскому материалу.

емо. Рассмотрим, например, результаты опроса 4 носителей ижорского языка по одной из анкет, предполагавшей перевод 175 русских предложений с глаголами слабого управления и без сложных синтаксических конструкций. В целом русские стимулы различают те оппозиции, которые были описаны выше как базовые. То есть русский язык передает завершенность/незавершенность действия, наличие отрицания, исчисляемость и принадлежность к классу местоимений или существительных. Естественно было бы ожидать, что расхождения носителей ижорского языка в падежном оформлении объекта должны быть минимальными. Однако лишь в 109 предложениях (~ 62%) все четыре перевода совпали, а в 66 предложениях (~ 38%) было зафиксировано расхождение в выборе падежа объекта (причем в 24 предложениях ответы делились «два на два»). Подчеркнем, что все расхождения касались противопоставления тотального и парциального объектов.

Любая попытка более глубокого анализа оппозиции «парциальный vs тотальный объект» приводит к существенному усложнению конструкции, но все равно не позволяет получить достаточно четкое правило, позволяющее предсказать употребление того или иного объекта.

3.2. Оппозиция тотальных падежей

Выбор тотального падежа (номинатива, генитива или аккузатива) в качестве объекта регулируется несколькими формальными правилами.

1. Если объект представлен морфологической формой множественного числа, то он всегда будет оформлен номинативом.

(20) а. šiar to-i tämä-n kuga-n
сестра[NOM] приносить-IMPF.3SG этот-GEN цветок-GEN
'Сестра принесла этот цветок'

б. šiar to-i nämäd kuga-d
сестра[NOM] приносить-IMPF.3SG этот.PL.NOM цветок-PL.NOM
'Сестра принесла эти цветы'

2. У личных местоимений множественного числа в качестве тотального падежа используется форма аккузатива (*meijed* '1PL.ACC', *teijed* '2PL.ACC', *heijed* '3PL.ACC').

(21) а. miä ajo-i-n nämäd poja-d
1SG[NOM] гнать-IMPF-1SG этот.PL.NOM мальчик-PL.NOM
'Я прогнал этих парней'

б. miä ajo-i-n heijed poiž
1SG[NOM] гнать-IMPF-1SG 3PL.ACC прочь
'Я прогнал их'

Обратим внимание, что термин «аккузатив», используемый в отношении форм личных местоимений множественного числа (см., например, Лаанест 1978: 251), представляется нам не вполне удачным. На синхронном уровне указанные формы выглядят как основа генитива (*meije-* '1PL', *teije-* '2PL', *heije-* '3PL'), к которой добавлен показатель множественного числа *-d*. Именно таким образом (основа генитива + *-d*) образуется форма номинатива множественного числа у имен. Поэтому, с нашей точки зрения, было бы разумнее назвать рассматриваемые местоименные формы «вторым номинативом». Это соображение подкрепляется тем фактом, что «аккузативные» местоименные фор-

мы появляются именно в той синтаксической позиции, где у остальных имен наблюдается форма номинатива множественного числа. Заметим, что такая интерпретация не выглядит противоречащей диахронии: в Hakulinen 1961: 68 отмечается, что местоименный аккузативный суффикс развился по аналогии с «номинативно-аккузативными» формами множественного числа других имен.

3. Если в предложении отсутствует субъект, то объект, имея статус аргумента с наивысшим синтаксическим статусом, оформляется номинативом, а не генитивом как в (22а). Существует три основных типа конструкций, в которых не представлен субъект. Это императивные конструкции (22б), имперсональные конструкции (22в) и конструкции с бессубъектными модальными глаголами (22г).

- (22) а. miä ošš-i-n tāmā-n hadu-n
1SG[NOM] покупать-IMPF-1SG этот-GEN шапка-GEN
'Я купил эту шапку'
- б. ošša tāmā hattu
покупать.IMP этот[NOM] шапка[NOM]
'Купи эту шапку!'
- в. egle ošše-ttī tāmā hattu a tånābā
вчера покупать-IMPRS.IMPF этот[NOM] шапка[NOM] а сегодня
hā on revide-ttū
3SG[NOM] быть.PRS.3SG рвать-PRTPASS
'Вчера купили эту шапку, а сегодня она [уже] порвана'
- г. pītā oštā tāmā hattu
нужно.PRS.3SG покупать.INF этот[NOM] шапка[NOM]
'Нужно купить эту шапку'

Подчеркнем, что падеж объекта определяется именно отсутствием субъекта, а не валентными характеристиками глагольной лексики как таковой. В примерах (23а) и (23б) используется один и тот же модальный глагол *šāmā* 'мочь', однако в первом из этих примеров он выступает как субъектный, и падежом объекта является генитив. В другом же случае субъект отсутствует, и объект оформляется номинативом.

- (23) а. miä šā-n teh-ā ūve-n koi-n
1SG[NOM] мочь.PRS-1SG делать-INF новый-GEN дом-GEN
'Я могу построить новый дом'
- б. šā-b tehā ūž kodi
мочь.PRS-3SG делать-INF новый[NOM] дом[NOM]
'Можно построить новый дом'

4. ИЖОРСКИЙ ЯЗЫК В СИСТЕМЕ СТРАТЕГИЙ ОФОРМЛЕНИЯ АКТАНТОВ

Как было отмечено в начале статьи, система классификации стратегий падежного оформления (и, соответственно, языков, которым свойственны эти стратегии) основывается на представлении, что в языке существуют падежи, основной функцией ко-

торых является кодирование актантов. Такое кодирование нужно, прежде всего, для различения актантов при двухместном глаголе²⁰.

Рассмотренный в разделе 3 материал показывает, что в ижорском (как, впрочем, и в других прибалтийско-финских языках) оппозиция «парциальный vs тотальный» отодвинула на второй план (хотя и не исключила) задачу различения актантов двухместного глагола. В результате объект при одной и той же глагольной словоформе может иметь различное падежное оформление.

Примечательно, что оппозиция тотальных падежей тоже демонстрирует нежелание языка фиксировать постоянный падеж для оформления актанта с определенной глубинной ролью. Задача различения актантов двухместного глагола в целом выполняется, но не за счет установления соответствия «глубинная роль — падеж», а за счет ранговой организации падежей: номинатив — падеж актанта с наивысшим синтаксическим статусом (он маркирует субъект или же объект при отсутствии субъекта), а генитив — падеж актанта следующего уровня (то есть объекта в конструкции с субъектом)²¹. На фоне этой задачи логично выглядит допустимость номинатива как падежа объекта во множественном числе: он не смешивается с субъектом, находящимся в единственном числе и контролирующим согласование с предикатом, а конструкция с двумя актантами во множественном числе (типа *Охотники убили медведей*) не настолько частотна в речи, чтобы приводить к сколько-либо существенной актантной омонимии²².

При отсутствии падежей, за которыми зарезервирована определенная актантная роль, о падеже субъекта или падеже объекта можно говорить только применительно к конкретному предложению, но не в отношении базовой конструкции в целом. Какие же именно предложения должны являться эталоном базовой конструкции, не описано ни в Fillmore 1968, ни в Кибрик 1992. Это не удивительно. Для любого языка, где есть падежи, специально зарезервированные под задачу различения актантов, определение падежного оформления базовой конструкции решается не на уровне прописанного алгоритма, а просто исходя из «здравого смысла»: достаточно отбросить периферийные синтаксические конструкции, исключить несколько глаголов с нетипичным падежным маркированием актантов, не рассматривать залоговые преобразования типа пассива, и все остальные актантно-предикатные конструкции продемонстрируют единство в падежном оформлении

---

²⁰ Как несложно заметить, из пяти реально существующих стратегий одна (нейтральный тип) демонстрирует случай, когда язык вообще не различает актанты, четыре же прочие стратегии (аккузативная, эргативная, активная и контрастивная) решают задачу различения актантов двухместного глагола. Ни одна из теоретически возможных стратегий, где бы язык различным образом маркировал актанты при предикатах разного типа, но не противопоставлял бы агенс и пациенс при двухместном глаголе, в существующих языках не зафиксирована (в Comrie 1989: 125 отмечается система с противопоставлением одинаково оформленных актантов двухместного предиката актантам одноместного предиката, но она существует лишь «в некоторых классах именных групп в некоторых иранских языках» и представляет собой промежуточную стадию при переходе от эргативного к аккумулятивному типу).

²¹ Такая ранговая организация не является уникальной. В Timberlake 1974 русская диалектная конструкция «номинатив + инфинитив» (*Вода нуть*) интерпретируется как содержащая номинативный объект, возникающий в результате отсутствия субъекта. Там же рассматривается номинативный объект в балтийских и в финском языках.

²² Другими словами, язык не приветствует конструкции типа русской *Мать любит дочь*, но допускает их в ограниченном количестве: как-нибудь говорящий и слушающий уж разберутся, кто кого любит (для этого существуют и другие «ключи»: интонация, порядок слов, прагматика ситуации и пр.).

актантов (так, в русских предложениях *Отец построил дом, Петя ловит рыбу, Маша любит Петю* мы везде обнаруживаем один и тот же набор падежей: номинатив для субъекта и аккузатив для объекта).

Однако для языков типа ижорского, где соотношение «глубинная роль — падеж» не фиксируется на уровне базовой конструкции, метод «здравого смысла» не является действенным. То есть, при отсутствии алгоритма, который позволял бы объявить некоторые предложения эталоном падежного оформления в каждой базовой конструкции, классификация оказывается неприменима ни к ижорскому языку, ни к другим прибалтийско-финским языкам, ни к любому языку без специально зарезервированных «синтаксических» падежей²³.

В этой ситуации естественным образом возникает вопрос о том, как может быть устроен такой алгоритм. По всей видимости, тривиального ответа на этот вопрос не существует. Очевидно, что обеспечить успешное применение классификации можно было бы за счет ограничения предложений, которые будут попадать под понятие «базовой конструкции». Однако неясно, какие именно ограничения будут эффективны на обширном типологическом материале. Пример ижорского языка доказывает, что не проходит вариант возвращения к исходной схеме Э. Сепира, в которой рассматриваются только местоименные системы (см. Sapir 1917: 85–86): у ижорских местоимений вариативность в падежном оформлении объекта достигает наивысшей точки²⁴.

Маловероятно, что хороший типологический результат может дать система переводных эквивалентов (то есть, когда фиксируется определенный набор предложений на заданном языке, они объявляются эталонами базовых конструкций, и далее рассматриваются их переводы на другие языки). В этом случае существенно увеличивается зависимость результата от конкретно языковой специфики (особенностей глагольной лексики, возможных синонимичных вариантов перевода и пр.).

Не исключено, что наиболее продуктивным было бы ограничить предложения с двухместными глаголами лишь теми, которые демонстрируют наибольшую степень транзитивности (например, используя шкалу, представленную в Норрег, Thompson 1980). В этом случае удалось бы (с большими или меньшими оговорками) «запахнуть» прибалтийско-финские языки в рассматриваемую классификацию. Однако тут возникает вопрос об осмысленности такой операции: навесив на эти языки ярлык «аккузативные», мы потеряем их основную типологическую характеристику, которой как раз и является отсутствие специального падежа, маркирующего объект (что позволило назвать эти языки «безаккузативными» Володин 2000). А нивелирование наиболее существенных характеристик языка никак не может быть достойной задачей типологии.

---

²³ Заметим, что ситуация, когда кодирование актантов определяется не только их синтаксическими функциями, но и другими факторами (одушевленностью, определенностью и пр.), не является типологически редким феноменом, см. Comrie 1989: 129–136. Как только теряется уверенность, что функция разграничения актантов является доминирующей в падежной системе некоторого языка, сразу становится проблематичным отнесение этого языка к тому или иному из рассматриваемых типов.

²⁴ Заметим, что в целом падежное оформление актантов, выраженных местоимениями и выраженных существительными, часто осуществляется по разным стратегиям, см. de Swart, de Hoop 2007: 607.

Сокращения

ACC — аккузатив; ADESS — адессив; ALL — аллатив; CNG — коннегатив; ELAT — элатив; FUT — будущее время бытийного глагола; GEN — генитив; ILL — иллатив; IMP — императив; IMPF — имперфект; IMPRS — имперсонал; INESS — инессив; INF — инфинитив; NEG — отрицательный глагол; NOM — номинатив; PART — партитив; PL — множественное число; PRS — презенс; PRCTACT — активное причастие; PRCTPASS — пассивное причастие; SG — единственное число; 1SG, 2SG, 3SG и т. д. — лицо и число глагольной формы.

Литература

- Володин А. П. 2000. Безаккузативность как типологическая доминанта уральских языков (на материале финского). Материалы международной научно-методической конференции преподавателей и аспирантов, посвященной 75-летию кафедры финно-угорской филологии СПбГУ. 16–17 марта 2000 г. Отв. ред. Н. Н. Колпакова. Санкт-Петербург, 28–37.
- Кибрик А. Е. 1972. Методика полевых исследований (к постановке проблемы). М.: Изд-во МГУ. (Публикации Отделения структурной и прикладной лингвистики 10)
- Кибрик А. Е. 1992. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовое и специфичное в языке). М.: Изд-во МГУ.
- Лаанест А. 1966. Ижорские диалекты. Лингвогеографическое исследование. Таллин.
- Лаанест А. 1978. Историческая фонетика и морфология ижорского языка. Дисс. на соискание ученой степени доктора филологических наук. Таллин.
- Blake B. J. 2004. Case. Second edition. Cambridge University Press.
- Comrie B. 1989. Language Universals and Linguistic Typology. Syntax and Morphology. Second edition. Chicago: The University of Chicago Press.
- Erelt M. 2003. Syntax. Estonian language. Ed. by Mati Erelt. Tallinn, 93–129. (Linguistica Uralica supplementary series 1)
- Ethnologue 2013 — <http://www.ethnologue.com/language/izh>, по состоянию на 15.08.2013.
- Fillmore Ch. 1968. The Case for Case. Universals in Linguistic Theory. Ed by. E. Bach, R. T. Harms. New-York, 1–88.
- Hakulinen L. 1961. The Structure and Development of the Finnish Language. Bloomington — The Hague. (Indiana University Publications. Uralic and Altaic Series 3)
- Hewitt B. G. 1995. Georgian: a structural reference grammar. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins.
- Hopper P. J., Thompson S. A. 1980. Transitivity in Grammar and Discourse. Language 56 (2), 251–299.
- Huumo T. 2010. Nominal aspect, quantity, and time: The case of the Finnish object. Journal of Linguistics 46, 83–125.
- Junus V. I. 1936. Izoran keelen grammatikka. Morphologia. Opettajiaa vart. Leningrad — Moskova.
- Karlsson F. 1999. Finnish: An Essential Grammar. London — New York: Routledge.
- Kittilä S. 2006. Object-, animacy- and role-based strategies. A typology of object marking. Studies in Language 30:1, 1–32.
- Laanest A. 1986. Isuri keele ajalooline foneetika ja morfoloogia. Tallinn: Valgus.
- Lewis M. P., Simons G. F. 2010. Assessing endangerment: expanding Fishman's GIDS. Revue Roumaine de Linguistique 55, 103–120.
- Porkka V. 1885. Über den ingrischen Dialekt mit Berücksichtigung der übrigen finnisch-ingermanländischen Dialekte. Helsingfors.
- Rüütmaa T. 1989. Partitiivsubjekt ja -objekt eesti ja soome keeles. Tartu Ülikooli toimetised. Fenno-ugristica 15, 118–126.

- Sapir E.* 1917. Review of C. C. Uhlenbeck: «Het Passieve Karakter van het Verbum Transitivum of van het Verbum Actionis in Talen van Noord-Amerika». *International Journal of American Linguistics* 1, 82–86.
- Sands K., Campbell L.* 2001. Non-canonical subjects and objects in Finnish. Non-canonical marking of subjects and objects. Alexandra Aikhenvald, R. M. W. Dixon and Masayuki Onishi (eds.). Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 251–305. (Typological studies in language 46)
- de Swart P., de Hoop H.* 2007. Semantic aspects of differential object marking. *Proceedings of Sinn und Bedeutung* 11, E. Puig-Waldmüller (ed.), Barcelona: Universitat Pompeu Fabra, 598–611.
- Timberlake A.* 1974. The nominative object in Slavic, Baltic and West Finnic. München: Verlag Otto Sagner. (Slavistische Beiträge 82)